

Проблема интеграции специалистов в экспертизе по уголовным делам: пределы компетенции психолога-эксперта при оценке вменяемости

М. В. Морозова, кандидат психологических наук, заведующая отделением психологии ФГУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию» (ekspertiza21@mail.ru)

О. Ф. Савина, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии отдела СПЭ в уголовном процессе ФГУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию» (psychol1@yandex.ru)

С учетом актуальных научных воззрений и запросов правоприменительных органов рассмотрены вопросы экспертной психологической оценки способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими субъектом правонарушения. Указываются позитивные и негативные аспекты участия психолога в обосновании нарушений произвольной регуляции у лиц с психической патологией, в частности, опасность возможной подмены экспертного анализа оценочными суждениями и гипотетическими построениями с трактовкой юридически значимых обстоятельств, определяющих меру вины и ответственности. Обосновывается продуктивность и законодательная оправданность вынесения интегративного экспертного решения психиатром и психологом о нарушении или ограничении способности к осознанию и руководству своими действиями в отношении подэкспертных с психическими расстройствами, в регуляции деятельности которых при совершении деликта превалируют не психопатологические, а патопсихологические и психологические механизмы.

Ключевые слова: невменяемость, психическое расстройство, патопсихология, психиатрия, компетенция, интегративные выводы, доказательность, механизмы нарушения и уровень произвольной саморегуляции.

Формирование гражданского общества, рост информированности населения о своих правах, законодательных нормах и способах получения доказательств по уголовному делу, в том числе и благодаря деятельности средств массовой информации, активизация действий всех сторон судебного процесса приводят к возрастанию сложности работы правоприменительных органов. Стремление соответствовать требованию доказательности обвинительных заключений и судебных приговоров обуславливает все более частое назначение экспертных исследований в процессе досудебного и судебного следствия по уголовным делам. При этом наблюдается расширение количества и спектра задач, которые ставятся перед экспертами разных специальностей. Ориентируясь на получение максимального объема информации от компетентных лиц, выполняя адвокатские запросы, судьи и следователи нередко выносят в постановление о назначении экспертизы в форме вопросов проблемы, лежащие в сфере их профессиональной деятельности, свои сомнения и трудности, ожидая, что эксперт сможет грамотно их разрешить. Это приводит к попыткам неоправданного расширения компетенции психолога без учета специфики его познаний и экспертных возможностей.

При назначении комплексных психолого-психиатрических экспертиз по инициативе разных сторон судебного-следственного процесса наблюдаются значительные вариации содержательно-смысловой направленности вопросов, адресуемых психологу. Формальная, а порой и недостаточная осведомленность психологов, работающих в экспертных учреждениях, о своих правах и обязанностях, несформированность внутренних критериев понимания границ собственных возможностей как экспертов, приводит их к готовности решать практически любые экспертные задачи, подменяя экспертный анализ оценочными или бытовыми непрофессиональными суждениями и гипотетическими построениями. Такое положение вещей создает юридические прецеденты, к которым в последующем апеллируют заинтересованные стороны процесса как к возможным и допустимым формам экспертной деятельности.

Другая проблема заключается в том, что многие научные разработки и теоретические исследования, имеющие полное право на существование как концепции, отражающие взгляды того или иного автора, предлагаются в качестве методической литературы с попытками внедрения их в экспертную деятельность без достаточной апробации на практике. В итоге психолог-эксперт, не имеющий возможности регулярно получать профессиональные консультации, оказывается перед сложным выбором – либо, руководствуясь опытом и традиционными представлениями о своей компетенции, отказаться отвечать на отдельные вопросы постановления о назначении экспертизы, либо, идя навстречу судебным-следственным работникам, выполнить экспертное задание в полном объеме и, став «первопроходцем», применить сугубо научно-теоретические положения к конкретному экспертному случаю.

Психолог-эксперт не может сам в процессе экспертизы по уголовному делу в случае получения «нестандартных» заданий выработать методологические принципы, руководствуясь которыми он мог бы уточнять предмет КСПЭ, отклонять поставленные вопросы по тем или иным основаниям. В настоящее время назрела необходимость более четко определить методологический подход в отношении отдельных, в том числе и кажущихся традиционными экспертных задач с учетом актуальных проблем экспертной практики.

Определенная нечеткость в разграничении компетенции экспертов психиатра и психолога заложена в самом предмете и объекте исследования, хотя подход этих специалистов к психической деятельности субъекта и особенностям ее функционирования принципиально различается: психиатр исходит из закономерностей развития психических расстройств, психолог – из принципов развития здоровой психики. Каждый из них исследует протекание психической деятельности субъекта в момент совершения правонарушения, оценивая, имело ли место ее нарушение и какова его природа, в соответствии со спецификой собственных познаний, понятийным и категориальным аппаратом психиатрии и психологии. Суждения экспертов – и психиатра, и психолога – имеют юридическое значение и правовые последствия, тем не менее, данные специалисты не рассматривают то или иное деяние подэкспертного с позиции вынесения самостоятельной правовой оценки. Заключение комиссии экспертов в соответствии с п. 2 ст. 74 УПК РФ может выступать в качестве доказательства по делу, если оно принимается судом, и на его основании осуществляется последующая юридически-правовая квалификация действий субъекта экспертизы в момент совершения правонарушения [2].

В новом уголовном законодательстве, как и ранее, экспертная оценка способности субъекта осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики (ч. 1 ст. 21 УК Российской Федерации [7]) определена и отнесена к компетенции клинициста. Однако в период реформирования законодательства, судебной системы и экспертной деятельности данная проблема стала предметом теоретических исследований и постоянно актуализируется в практике из-за нечеткости в постановке экспертных заданий.

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел и экспертных исследований (более 500 случаев) последнего десятилетия показывает, что судебные органы в целях повышения «доказательности» вывода о «вменяемости/невменяемости» стремятся привлечь к данному виду экспертизы помимо психиатра еще и психолога, ставя перед ним самостоятельное экспертное задание, касающееся в той или иной мере способности субъекта правонарушения осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Для этого вопрос о данной способности комбинируется в различных вариациях с упоминанием психологических понятий и феноменов (а порой и компилируется), сохраняя в качестве ведущего критерия оценки психической деятельности формулу вменяемости/невменяемости. Так, при формулировке экспертного задания работники судебной системы апеллируют к психологическому и эмоциональному состоянию подэкспертного, его индивидуально-психологическим особенностям, а также к особенностям психического развития, в том числе и взрослого лица. В ряде случаев, как правило, по ходатайству адвокатов наблюдается более существенная трансформация экспертного задания, в котором, очевидно, с точки зрения лица, имеющего юридическое образование, «предусмотрены все возможности», позволяющие решить дело в пользу подэкспертного. Например: «Мог ли подэкспертный с учетом присущих ему индивидуально-психологических особенностей, конкретных

обстоятельств ситуации (указанных в постановлении), состояния алкогольного опьянения осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и принимать адекватные решения?». Многофакторность вопроса в данном случае не имеет содержательно-смысловой ценности. Главный критерий оценки по-прежнему является психиатрическим, а «возможность принимать адекватные решения», с одной стороны, как бы соподчинена ему, а с другой – в целом предполагает оценку конкретной мотивации, что выходит за пределы компетенции психолога-эксперта. Постановка вопросов в такой форме только затрудняет процесс экспертной оценки, поскольку нечетко определено, к эксперту какой специальности относится данная задача (особенно если она выносится в рамках однородной психиатрической или психологической экспертизы), и какова должна быть доказательная база.

Отвечая на вопрос о способности субъекта осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, психиатры-эксперты в обосновании медицинского и юридического критерия вменяемости/невменяемости опираются на данные, полученные в результате патопсихологического обследования, которое проводится в рамках как однородной психиатрической, так и комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Медицинский психолог, несмотря на то, что основная профессиональная область его знаний – патопсихология, владеет критериями дифференциации различных нарушений психической деятельности и имеет возможность интегрировать их в патопсихологические симптокомплексы, но самостоятельно квалифицировать наличие медицинского критерия (т. е. психического расстройства как такового) не может, поскольку он не обладает для этого специальными познаниями в психиатрии. Если клиницисты не выявляют у субъекта психического расстройства, то экспертный вывод психолога о неспособности психически здорового лица в силу, например, психологического или эмоционального состояния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, безграмотен и не имеет правового значения в связи с тем, что невменяемость предполагает нарушение регуляции деятельности по психопатологическим механизмам.

В том случае если вопрос, содержащий формулу вменяемости, скомпилирован в постановлении с определенной психологической составляющей – например, способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий с учетом индивидуально-психологических особенностей или интеллектуального развития – методологически более верным будет решение рекомендовать следователю/судье переформулировать вопрос с учетом категориального аппарата и критериев оценки именно психолога. В случае невозможности редакции вопроса следует указать его в правильной форме при составлении заключения комиссии экспертов.

У психолога есть собственная универсальная экспертная задача – оценка наличия или отсутствия существенного влияния индивидуально-психологических особенностей на поведение субъекта в момент совершения им инкриминируемых ему деяний. Этот вопрос может быть задан практически в отношении всех обвиняемых, направляемых на КСППЭ, вне зависимости от содержания криминальных действий и того, страдает ли данное лицо психическим расстройством или нет. При этом не происходит неоправданного расширения

объема экспертного исследования – психолог в любом случае обязан определить структуру личности подэкспертного и оценить с ее учетом меру способности к произвольной саморегуляции деятельности в конкретной ситуации. А при выявлении клиницистами психической патологии и вынесении ими решения об ограничении способности подэкспертного к осознанию и регуляции деятельности в момент правонарушения интеграция с экспертным выводом психолога о существенном влиянии на эту же деятельность индивидуально-психологических особенностей как раз повысит доказательность заключения комиссии экспертов в целом [5].

Проблеме вменяемости/невменяемости значительное внимание уделяется также в теоретических работах, причем не только психиатрами и юристами, но и психологами [1; 3; 6; 8]. Учитывая, что экспертная оценка вменяемости требует определения медицинского и юридического критерия – факта наличия психического расстройства и обусловленных им нарушений осознанной волевой регуляции деятельности, исследователи указывают на целесообразность привлечения психолога в качестве эксперта при определении способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими [1; 6]. Выдвигая это положение, некоторые авторы исходят из отсутствия в заключениях комиссии экспертов-психиатров достаточного обоснования нарушения психологического (юридического) критерия и необходимости психологического и патопсихологического анализа поведения подэкспертного в момент деликта с целью доказать наличие нарушенной вследствие заболевания способности к произвольной саморегуляции деятельности.

Данная концепция имеет под собой серьезные основания: медицинский психолог при оценке особенностей поведения субъекта исходит не из общих представлений, что выявленное у него психическое расстройство «априори» влечет за собой нарушение регуляции, но каждый раз рассматривает индивидуальные для каждого субъекта механизмы сбоев в структуре психической деятельности в конкретной криминальной ситуации. В силу специфики своих познаний медицинский психолог-эксперт может выявлять не только психологические, но и патопсихологические феномены, обусловленные наличием психического заболевания. Однако при этом следует помнить о возникающей дополнительной сложности в связи с требованием более глубоких познаний эксперта-психолога в области психопатологии. В процессе анализа психологу необходимо уметь дифференцировать патопсихологические, т. е. качественно иные механизмы, от психологических (нормативных) – с одной стороны, и психопатологических – с другой. Все указанные уровни регуляции деятельности могут детерминировать криминальную активность психически нездорового человека как каждая по отдельности, так и в совокупности. Попытки же «объяснения» психопатологии в рамках экспертного заключения психолога чреваты как опасностью психологизации болезни, так и «искушением» определить конкретную (пусть даже патологическую) мотивацию криминальных действий, подменяя тем самым компетенцию суда и как бы «навязывая» ему собственное понимание всех юридически значимых обстоятельств и определяя меру вины и ответственности.

В случае проведения патопсихологического анализа криминального поведения лица, страдающего выраженным психическим расстройством, не следует ожидать выявления психологом всех нюансов нарушений в структуре и

организации психической деятельности в целом и ее отдельных звеньев, динамики переживаний субъекта правонарушения, что характерно, например, для обоснования аффекта. По сути, такой анализ будет чаще всего сводиться к констатации феноменологических проявлений психических нарушений в рамках понятийного аппарата психолога-эксперта, хотя это достаточно успешно может быть осуществлено и с использованием познаний психиатра, поскольку у него имеются возможности клинико-психопатологического исследования поведения подэкспертного в момент деликта. Клиницист может доказательно представить нарушения психотического уровня, для квалификации которых у психолога нет собственных критериев, и их преломление в ситуации правонарушения. Однако в силу сложившейся в отечественной экспертной практике традиции, возможности психиатра как эксперта используются им же недостаточно. В то же время нет смысла пытаться исправлять имеющиеся пробелы в доказательной базе экспертных заключений врачей-психиатров за счет усложнения экспертной деятельности психологов, поскольку при этом будет нарушен принцип разумной достаточности.

Если в обязанности психолога будет входить оценка вменяемости/невменяемости на основании патопсихологического исследования деятельности субъекта в момент правонарушения, то практически каждая экспертиза должна стать комплексной в силу следующих причин. Во-первых, в рамках однородной психологической экспертизы без определения наличия медицинского критерия отсутствуют правовые основания для оценки способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Во-вторых, однородная психиатрическая экспертиза, хотя согласно стандартам и предусматривает проведение экспериментально-психологического исследования, но психолог не входит в состав членов экспертной комиссии, т. е. не является экспертом по данному уголовному делу.

Представляется, что при определении вменяемости/невменяемости познания психолога и результаты его исследования важны, прежде всего, для диагностики психического расстройства и определения степени его выраженности, дублировать каждый раз клинико-психопатологический анализ патопсихологическим не имеет смысла, в том числе и с учетом реалий экспертной практики. Это приведет к значительному росту трудозатрат и стоимости экспертных исследований, а также дополнительным сложностям при вынесении постановлений судебно-следственными работниками, которые и без того часто недостаточно дифференцируют пределы компетенции психолога и клинициста. К тому же возлагаемые надежды на повышение доказательности экспертных заключений о вменяемости/невменяемости за счет расширения полномочий психолога могут не оправдаться, поскольку качество заключения по данному предмету, его полнота, обоснованность и доказательность зависят не от расширения сфер комплексируемых знаний, а от подготовки конкретного эксперта, его квалификации и личной ответственности. Грамотный эксперт-психиатр имеет достаточные возможности для вынесения обоснованного экспертного суждения в отношении психологического (юридического) критерия у лица с выраженной психической патологией, в отличие от слабо подготовленного и не имеющего опыта экспертной деятельности психолога.

Таким образом, нам представляется, что в случае назначения комплексных психолого-психиатрических экспертиз наиболее продуктивным и законодательно оправданным было бы вынесение интегративного экспертного решения психиатром и психологом о нарушении или ограничении способности подэкспертного осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими в случаях, когда речь идет о субъектах с психическими расстройствами, у которых в регуляции деятельности при совершении деликта превалируют не психопатологические, а патопсихологические (возможно, и психологические) механизмы. К таким лицам не могут относиться больные с грубыми проявлениями психопатологии, нарушениями психотического регистра или подэкспертные, находящиеся в измененном состоянии сознания (временное болезненное расстройство психической деятельности) на момент правонарушения. Данный контингент подлежит сугубо клинико-психопатологическому экспертному анализу.

Литература

1. *Кудрявцев И. А.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство). М., 1999.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2004.
3. Руководство по судебной психиатрии (ред. Т. Б. Дмитриевой, Б. В. Шостаковича, А. А. Ткаченко). М., 2004.
4. *Сафуанов Ф. С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998.
5. *Сафуанов Ф. С.* Модели интегративного судебно-экспертного психолого-психиатрического заключения // РПЖ. 2007. № 1.
6. *Ситковская О. Д.* Психология уголовной ответственности. М., 1998.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации. Официальный текст. М., 1996.
8. *Шишков С. Н.* Невменяемость (мировоззренческие, эмпирические, социальные предпосылки и становление в качестве правовой категории): Монография. М., 2010.

The Issue of Specialists' Integration in Forensic Inquiry in Criminal Cases: the Limits of a Psychologist's Competence in Evaluation of Criminal Insanity

M. V. Morozova, Ph.D in Psychology, head of Psychological department of the V. P. Serbsky State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry of the Federal Agency of Healthcare and Social Development (ekspertiza21@mail.ru)

O. Ph. Savina, Ph.D in Psychology, senior researcher at the Psychology laboratory of the Forensic psychological inquiry in criminal cases department of the V. P. Serbsky State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry of the Federal Agency of Healthcare and Social Development (psychol1@yandex.ru)

The article deals with the issues of expert psychological evaluation of a criminal subject's ability to realize actual character and public danger of his / her actions or to be in charge of them basic on the recent scientific evidence as well as demands of enforcement services specialists. It outlines positive and negative aspects of a psychologist's participation in substantiation of voluntary regulation disorders in people with mental disabilities, including the risk of possible substitution of expert analysis with judgments and hypothetical constructions speculating on juridical conditions that determine the degree of guilt and responsibility. The article proves productivity and legal warrantability of integrative – psychologist's and psychiatrist's – expert conclusion on violation or restriction of ability to realize and control one's actions in relation to subjects with mental disorders whose delinquent behavior is influenced predominantly by pathopsychological and psychological, not psychopathological, mechanisms.

Keywords: diminished responsibility, mental disorder, pathopsychology, psychiatry, competence, integrative conclusion, evidence-based, disorder mechanisms and level of volitional self-regualtion.

References

1. *Kudrjavcev I. A.* Kompleksnaja sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza (nauchno-prakticheskoe rukovodstvo). M., 1999.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2004.
3. Рукoвoдствo пo судeбнoй психиатрии (ред. Т. В. Дмитриевой, В. В. Шостакoвичa, А. А. Ткaчeнкo). М., 2004.
4. *Safuanov F. S.* Судeбнo-психoлoгичeскaя jekспeртизa в угoлoвнoм прoцeссe. М., 1998.
5. *Safuanov F. S.* Modelи интeгрaтивнoгo судeбнo-жeкспeртнoгo психoлoгo-психиатричeскoгo зaклjучeния // РPZh. 2007. № 1.
6. *Sitkovskaja O. D.* Психoлoгия угoлoвнoй oтвeтствeннoсти. М., 1998.
7. Угoлoвнoй кoдeкс Рoссиjsкoй Фeдeрaции. Oфициaльнoй тeкст. М., 1996.
8. *Shishkov S. N.* Нeвмeнjaeмoст' (мирoвoззрeнчeскиe, жeмпиричeскиe, сoциaльнo-пeдaгoгичeскиe пpeдпoсылки и стaнoвлeниe в кaчeствe пpaвoвoй кaтeгoрии): Мoнoгpaфия. М., 2010.